

Елена Джеро
nextvariant@gmail.com
+39 3319113019

ТЫ — ЭТО Я

Истинно, человечество есть связь между мирами.
Из книг Агни Йоги.

— Ну наконец-то!

Мика как раз откусила приличный кусок от круассана, чтобы достать повидло, и смахивала крошки с газеты свободной рукой, когда осознала, что голос как будто бы знакомый. В следующий миг память определила его принадлежность. Этот тембр она слышала исключительно редко, только когда прослушивала записи на домашнем автоответчике. Собственные.

Она оторвалась от статьи и, окинув взглядом кафе, вернулась глазами на место. Чтобы через секунду, когда мозг обработал наконец информацию, поднять их снова с выражением удивления и восторга. Девушка в блестящей майке, стоящая у входа, была похожа на нее как сестра, если бы, конечно, таковая имелась. Те же русые с солнечными прядками волосы до плеч, серые с темным ободком капельки-глаза, пухлые, словно надутые, губы. Мама с детства советовала — всегда улыбайся, а то подумают, что ты обиделась.

Копия подошла и, совершив оборот вокруг себя, плюхнулась за Микин столик. Приблизила лицо, медленно покрутила головой влево-вправо.

— Убедилась?

И, дождавшись кивка, нацепила очки с фиолетовыми стеклами:

— Близорукость, минус два.

Микины очки, обыкновенно-прозрачные, с теми же диоптриями, отдыхали по случаю чтения газеты на лбу. Было как-то неудобно их теперь надеть.

Близняшка? Украденная в роддоме. А родители не посвятили в тайну, чтобы не травмировать. А может, воры-врачи скрыли рождение второго ребенка, мама и не знает ничего? А как тогда эта знает — как ее, кстати, зовут?

Круассан во рту не выпускал вопросы, и она возобновила жевание. Близняшка покачала головой.

— А говорят, встреча с собой — такой шок, такой шок! Взять хоть «Назад в будущее». Главное — не встретиться с собой! — прогудела она, изображая видимо, дока. И продолжила уже нормальным голосом: — Кажется, обморока не ожидается.

Мика захлопала ресницами. Не ослышалась? Встреча с собой? Боже, она приехала к себе из будущего! Неужели возможно? Это происходит! По-настоящему! В данный момент! Или я сошла с ума. Сейчас проверим.

— Официант! — крикнула она, победоносно глядя на свой клон. — Еще капучино, пожалуйста. А вам что?

Клон пожал плечами:

— Мне тоже.

— Два капучино, — кивнул, записывая, паренек, — а кушать что будете?

Сомнений не было — он ее тоже видел.

— Круассан с повидлом, — отозвалась гостья из будущего и показала Мике язык. —

Я здесь. И хватит «вамкать». Я — это ты.

Нужно было собраться с мыслями. Мика опустила глаза в газету, хотя смотреть хотелось только на пришелицу из завтра, путешественницу, непременно смелую (решилась же она на темпоральный перелет!), умную (нашла же ее, Мику!) и очень даже симпатичную — себя.

В конце концов, почему так сложно поверить в путешествия во времени? В наше время информационного цунами — куча подтверждений того, что существует не только тот мир, который мы знаем, и работают не только те законы, о которых мы получаем некоторое понятие в учебных заведениях. От шумерской цивилизации и до загадки пирамид — все говорит о том, что объяснение должно лежать в другой плоскости, образно говоря. Изобретение машины времени еще Уэллсом в конце девятнадцатого века было предсказано! Фантасты вообще глашатаи прогресса, опять же, почему? Не потому ли, что им стало достоверно известно, как выглядит штука, которой пока еще нет? Не явился ли к ним из прекрасного далека некий обладающий информацией гость?

Тем временем принесли завтрак, и девушка посмотрела на свой «номер два». Ну эта если даже из прекрасного, то точно не далека. На вид возраст людей Мика не очень точно определяла, но свои морщинки знала наизусть. На месте были не все! Однако имелись и новые.

— Сколько вам... э-э-э... тебе лет? — поинтересовалась она, бесцеремонно разглядывая свое-чужое лицо.

— Столько же, сколько и тебе. Тридцать один год и две недели.

— Как две недели? Значит...

— Значит, я не из будущего, — со вздохом констатировала гостя неизвестного теперь происхождения, — не клон и не...

— Сестрица твоя, Микуша? — раздался прямо над ухом скрипучий голос.

Незаметно, как только миниатюрно-хрупкие синьоры после семидесяти пяти умеют это делать, рядом с их столиком материализовалась соседка с худосочной таксой на поводке.

— Доброго дня вам, милые! А я смотрю, с кем это наша Мика кофеи распивает? А то родня, выходит! Ясененько. Хорошая, видать, родня, за столько лет ни разу навестить не пожаловала, мы и не знали, так сказать, о существовании...

Только почтенный возраст защищал любопытную варвару (в миру синьору Марию-Крестину) от вполне объяснимых реакций жильцов, верящих в неприкосновенность частной жизни. Вот и на этот раз, проглотив рвущиеся наружу выражения, Мика процедила вежливо, что спутница ее никакая не сестра, а просто подруга. Друзья, как известно, сплошь и рядом похожи, и Мария-Кристина, как эксперт человеческой натуры, должна бы это знать.

— Приятно было вас повидать, уважаемая, но нам пора, — закончила она, кинула мелочь на столик и, схватив за руку «подругу», поволокла ее к выходу.

Кафе, в котором ежедневно завтракала Мика, располагалось в парке Вилла Боргезе*, в этот час относительно пустом, если не считать немногочисленных спортсменов и спящих на ходу собачников. Пролетев в конец аллеи, где одиноко шуршал изящный фонтан, Мика почти толкнула попутчицу на скамейку и нависла над ней, грозно хмуря брови.

— Отвечай прямо: кто ты и зачем здесь?

Копия улыбнулась:

— Правильно, что мы сбежали. Не нужно никому об этом знать. А сесть лучше тебе — так, на всякий случай.

Она подвинулась и приглашающе похлопала по сиденью. Ногти у нее тоже были фиолетовые, под цвет дурацких линз, сквозь которые собственные глаза казались леденяще-коварными. Мика медленно опустилась рядом, вполоборота, не сводя подозрительного взгляда от улыбающегося лица.

— На большинство вопросов у меня нет ответов. Я расскажу тебе все, что знаю. Вкратце. Потому что у нас очень мало времени — максимум два дня.

— Два дня? И что же случится потом?

— Потом одна из нас должна будет умереть.

Это было произнесено спокойно и немного грустно, никаких трагических пауз и взоров не последовало, но в животе стало кисло, как бывает при дурном предчувствии, когда опасности еще не видно, а она уже здесь.

— Но начнем сначала, — продолжала Номер Два, как про себя нарекла Мика новую знакомую, — называть ее своим именем язык не поворачивался.

— Есть концепция, что душа после смерти возвращается, чтобы прожить ту же жизнь. То есть в то же самое время, в том же самом месте рождается тот же человек, но жизнь его в этот раз сложится по-другому. Такой вот «день сурка», каждый раз разный. Не только по причине новых решений, но и из-за многих других факторов. Поэтому умереть может случиться совсем в другое время, не как в первый раз. Это, конечно, я условно называю его первым — все эти варианты жизни протекают симультанно с точки зрения времени. Но по разным сценариям.

Оказалось, что различий в жизненных сценариях наших дам имелось порядочно, впрочем, как и сходств. Например, обе работали в области искусства, только Мика — реставратором, а Номер Два занимала пост арт-директора в рекламном агентстве. Обе терпеть не могли готовить и обожали детективы, говорили (кроме родного итальянского) на французском, английском и испанском. И что особенно потрясающе — муж у обеих имелся один и тот же, только познакомились они с ним в разных местах. Мика — в собственной мастерской, в которую Даниэле явился по рабочим делам, а ее вариантное отражение — в парижском винбаре, куда тот совершенно случайно забрел во время отпуска. Что, несомненно, подтверждает теорию про созданных друг для друга половинок — в этом обе были и раньше уверены.

После обнаружения общих знакомых в биографической ленте Мика немного расслабилась и начала ощущать к Номеру Два что-то вроде расположения, даже пару раз назвала ее Микелой: очень уж их полное имя подходило этой хозяйке — яркой, порывистой, как огонь, и вместе с тем рациональной, что ли. Мика же была совсем иная, по собственному представлению — немного воздушное (но не дождевое) облачко, немного парящая в этом уютном облачке фея.

Пощелкав пальцами перед носом феи: «Эй, ты здесь? Прием, прием!», Микела продолжила рассказ:

— Между близкими вариантами, назовем так наши параллельные миры, можно перемещаться, причем не всегда по собственному желанию. Перенос происходит при стечении нескольких обстоятельств, к сожалению, не таких уж редких. Слышала истории про таинственное появление двойников?

Мика отрицательно покачала головой.

— Ну как же! Ладно, слушай. Дело было в Праге десять лет назад, в один прекрасный, хотя лучше тут употребить другое слово, день под трамвай номер «22» попадает мужчина. В этом, конечно, ничего особенного нет, учитывая то, как в Праге водят трамваи, но вот факт, что задавленный был точной копией водителя — это уже, согласись, необычно. Личность потерпевшего определить так и не удалось, хотя искали по всей Европе и даже за пределами. Об этом же все газеты гудели, как это прошло мимо тебя?

Ну это как раз объяснялось легко — в то время Мика работала в Нью-Йорке, докуда, по видимому, кровавая история не дошла. Зато дошла другая — про Санта-Клауса на рождественской вечеринке, не самого, конечно, а в исполнении некоего мистера Виханта из Иллинойса, которого опознали все присутствующие, весьма удивленные тем, что прикованный к постели больной вдруг замыслил танцевать и наряжаться. Кто-то из гостей додумался

позвонить его жене, и что же выясняется? Что мистер Вихант не только не ожил, а даже наоборот — уже как четверть часа переехал в мир иной. Обсуждали это происшествие долго, но в основном в свете концепции материализации астральных тел и петель времени.

Микела по поводу концепций лишь пожала плечами:

— Я не собираюсь утверждать, что все двойники путешествуют так же, как я, но думаю, довольно большая часть, по крайней мере в одну сторону. Ты в курсе, что в европейских странах среднего размера ежегодно исчезает около десяти тысяч человек? В Австралии, для сравнения, — триста тысяч, в России — восемьсот!

— Думаю, этому есть масса других объяснений — от бытовых до криминальных, — возразила Мика.

— Ага, но примерно пятая часть случаев таким объяснениям не поддается. По миру это больше миллиона в год.

Утрата эксклюзивности вместе с легким уколом разочарования принесла Мике облегчение: толпа «деньсурковых» туристов, наверное, уже как-нибудь решила проблему двух дней, которая висела над девушками дамокловым мечом.

— Вообще-то у нас была неделя, — призналась со вздохом Микела, — но пять дней я уже потратила, осталось два. Надеяться на чудо не приходится — во всех известных случаях появления двойников двойник через неделю умирал.

— Все-таки двойник! — воскликнула Мика, пытаясь скрыть радость.

— Кто может сказать точно? По рассказам очевидцев, после инцидента у оставшегося в живых сильно менялся характер и появлялись проблемы с памятью. Что, естественно, относили на счет психологической травмы.

По Микиной спине прошел неприятный холодок. Но ведь если бы Номер Два собиралась ее... Если бы у Номера Два были плохие намерения, она бы не посвящала свою жертву в тайны перемещений между мирами, так ведь?

Рассказчица тем временем взяла Мику за руку (не самое приятное ощущение в этот момент):

— Есть только один способ остаться в живых.

Их глаза встретились через фиолетовую преграду.

— Ты должна переместиться в мой мир.

Мика выдернула ладонь и вскочила со скамьи.

— Не-ет, — голос предательски взвизгнул. Она прочистила горло, повторила: — Нет. Это совсем не подходит, даже теоретически! У меня здесь все! Все, абсолютно! Дом, работа, родители в конце концов...

— Родители?! И мама?

Вторая девушка тоже поднялась и застыла, неловко шевеля пальцами левой руки, как будто играла на невидимом пианино. Расшифровать этот жест Мике не стоило труда — она и сама так «музицировала» в минуты сильного волнения.

— И мама, — ответила тихо. — Жива и здорова, слава богу, а что... твоя — нет?

— Не знаю. Исчезла, когда я еще была маленькой. Послушай, мне надо ее увидеть!

Мысли забегали быстро-быстро. Увидеть маму? Еще чего! Объясняй ей потом про параллельные миры! И так их взаимопонимание приближается к нулю, не хватало еще подозрений в психическом нездоровье. Но на самом деле другая мысль, даже не мысль, а наитие кольнуло неприятно: вдруг маме больше понравится та, неправильная дочь, и что тогда? Конечно, Номеру Два можно только посочувствовать — при всех маминых недостатках жизнь без нее даже представить себе невыносимо, но что тут можно сделать?

Мика запнулась в своем внутреннем монологе. Однако можно. Можно заслать Мику черт знает куда, чтобы занять ее место!

— Вот что, Микела, — медленно и твердо, взвешивая слова, начала настоящая дочь. — Не обижайся, но помочь тебе я не могу. Ты должна вернуться туда, откуда пришла.

И прибавила, глядя на поникшие плечи своей копии:

— К сожалению.

На пальцы, перешедшие на престиссимо, смотреть было невозможно. Мика повернулась и стала удаляться.

— Я пробовала! — раздалось ей в спину. — Ничего не получается! Надо, чтобы ты уехала туда, тогда мы обе сможем вернуться домой!

Мика обернулась:

— И когда же мы сможем вернуться?

— Не знаю. Может, через несколько дней... или месяцев, — упавшим голосом ответила Номер Два. — Когда система придет в равновесие.

Усмехнувшись, Мика развернулась на каблуках и, помахивая прощально рукой, зацокала по асфальту. Больше головой не крутила, а вскоре даже решила срезать — хотелось быстрее покинуть парк. Сойдя с дорожки на молодую апрельскую траву, помаршировала, пиная прошлогодние шишки, к воротам.

Фантастика хороша, когда ее читаешь, а не живешь. Даже если бы Мика была моложе, вряд ли согласилась бы отправиться в никуда. Да и что там делать? Буклеты рисовать? Еще чего. Муж на месте, правда, но какой? Если Микела так не похожа на Мику, то, может, и Даниэле Номер Два отличается, так сказать, от оригинала? И мамы нет. Невообразимо!

Пахнувший хвоей ветерок трепал волосы и возвращал мысли в реальность. Пришло время, наконец, закончить Эль Греко, она уже приближается к стадии «реставратор превзошел создателя», как шутит синьор Галеотти. Надо признаться себе, что ей просто не хочется расставаться с самым крупным в ее жизни заказом: оценочная стоимость — не вышептать — два с половиной миллиона евро! (А на аукционе может спокойно быть и пять!) Ну все, закончили-забыли. На полчетвертого запланирован зубной, после него заскочить в химчистку, и останется приготовить ужин. Ой, не забыть купить сахарную пудру — Даниэле который день просит штрудель испечь.

Телефон затрещал, когда она уже переделалась в рабочее и с лупой в руке рассматривала законченную работу, исследуя тон, мазки, толщину красочного слоя и вообще выискивая, к чему бы придраться.

Хотя номер был незнакомый, она знала, кто звонит, еще до того, как услышала свой голос.

Микела строчила на одной ноте, словно синхронный переводчик:

— Диссоциативная fuga — внезапная амнезия с переездом в далекое место, в психиатрии объясняется защитной реакцией мозга на стресс, в большинстве случаев проходит за несколько дней или месяцев. Это доказательство обратного обмена двойников. Взять даже Агату Кристи...

— Оставь меня в покое, пожалуйста! — вздохнула Мика и положила трубку. Агата Кристи — вот ведь воображение! Художница выключила звук на айфоне и опять наклонилась к холсту. Повисев в такой позе секунды три, выпрямилась, чертыхнулась и пошла в соседнюю комнату к компьютеру.

— Так, Агата Кристи, посмотрим, — бормотала она, вбивая слова в поисковик. — Поссорилась с мужем после того, как он объявил, что любит другую! Кого, интересно? Коллегу по гольфу — вот идиот! Ушла в ночь и не вернулась. Лучше б умертвила предателя по-хитрому! А после написала детектив. Когда — через одиннадцать дней — обнаружилась, не могла вспомнить, ни где была, ни чем занималась. Позже выяснилось, что все это время она провела в отеле под именем Терезы Нил, нежилась в СПА, посещала библиотеку и играла на фортепиано. Врачи предполагают диссоциативную fugу под действием стресса.

Что ж это за fuga такая? Пальцы снова забегали по клавиатуре. Переезд и амнезия, как и утверждала Микела. Больные придумывают себе новую биографию и находят новую работу, никак не связанную с прежней. Это интересно.

Ага, вот тут пример — священник Ансель Бурн. Исчез 17 января 1887 года из Грина, штат Род-Айленд, а утром 14 марта в Норристауне, штат Пенсильвания, человек, называвший себя А. Дж. Брауном, который шестью неделями раньше взял в аренду небольшой магазин и вел все это время скромную торговлю, проснулся в испуге, позвал соседей по дому и попросил их сказать ему, где он находится. Он сообщил, что его зовут Ансель Бурн, что ему ничего неизвестно о Норристауне, что он ничего не понимает в торговле и последнее, что он помнит, — злополучное утро своего исчезновения.

«Ничего себе! Восемь недель! — Мика забарабанила левой рукой по столу. — Спокойно! — скомандовала сама себе. — Всего лишь два фигуранта, это ни о чем не говорит, сейчас сама убедишься!»

Но за полчаса дальнейших исследований обнаружили и уже известный пражский водитель с задавленным двойником (который, кстати, умер ровно через год после инцидента, успев завещать похоронить себя «рядом с собой»), и заотделением психиатрической экспертизы в Минске, которому привели двойника-бомжа (Бомж исчез через неделю. Исчез?), и еще с десятков увлекательных случаев, которые для художницы являлись страшилками одна ужаснее другой. Ведь если существовала даже маленькая вероятность, что Микелина интерпретация фактов — правильная, то ей, Мике, действительно может грозить опасность. Причем, судя по описываемым в Интернете историям, не столько от руки двойника, сколько от деперсонализированных катаклизмов типа авиакатастрофы, молнии или пожара. На ум пришли Микелины слова про системное равновесие. Господи боже!

Она принялась ходить кругами по комнатке, каждый раз больно задевая ногой стул. Вернулась в мастерскую, где возле мольберта лежал телефон, и набрала последний звонивший номер.

Не здороваясь, отчеканила строго:

— У меня вопрос: при чем здесь переезд в другое место?

— Нет никакого переезда, — ответил радостный голос. — Двойник появляется там, откуда «улетел». Я почему задержалась-то? Потому что живу в Париже и была уверена, что ты тоже! Прихожу домой, а тебя нет. Хорошо еще, ты — человек известный в профессиональных кругах, в Интернете легко отыскалась. Пришлось в Рим фигачить, на перекладных. Ну а тут уж осталось только дожидаться, пока ты будешь одна.

Мика поежилась от мысли, что за ней была слежка, а вслух сказала:

— Существуют самолеты.

— Если б я знала, что так получится, захватила бы паспорт, — съязвила трубка. — Послушай, я сейчас немного занята, встретимся на площади Святого Петра в двенадцать, у Бронзовых врат, хорошо? — и дала отбой, негодница, в полной уверенности, что Мика придет.

И ведь придет же! Мика удрученно покачала головой. У нее теперь один союзник — она сама.

Гадая, чем таким важным занята в чужом городе и мире ее ипостась, художница убрала рабочее место (все равно лучшее — враг хорошего, хватит перфекционистичать) и потащилась в кабинет шефа, серея на ходу. Отпрашивалась она крайне редко, в отличие от своих собратьев по кисти, пришло время начальству это оценить!

Начальство в лице седовласого казановы синьора Галеотти известие о возможном отравлении встретило с пониманием и участливо предложило самолично оттранспортировать страдальцу домой. Или в больницу. Или пообедать («ой, не подумал»), в общем, пусть Мика имеет в виду его готовность и диспонибельность. И пусть отдыхает себе на здоровье, раз работа

закончена, сколько нужно, хоть до завтра — увидимся сразу на семинаре в Академии Святого Луки или за ней заехать?

Черт, семинар, у нее из головы совсем вылетело! «Приеду сама, если буду жива», — честно пообещала она. Получилось с театральным надрывом — в этот момент стало страшно по-настоящему. Казанова, просмеявшись, вызвал ей такси.

Площадь перед папской базиликой кишела туристами. Как огромные разноцветные муравьи, они хаотично бросались то в одну сторону, то в другую. Сфотографировали обелиск, поползли — мордочка в землю — искать барельеф западного ветра, который фильм «Ангелы и демоны» записал в обязательные пункты любой экскурсии. Отыскали, сделали сто снимков своих ботинок на фоне, посеменили искать другую точку, с которой можно наблюдать волшебство — как воздвигнутые непревзойденным Бернини четыре ряда колонн превращаются в один. Но геометрическая уловка гения муравьев вдохновляет не сильно — на селфи колонны как колонны, ничего особенного. Покружив еще немного вокруг фонтанов, щелкая поминутно девайсами, они встраиваются в длинную муравьиную кишку, извивающуюся до входа в святую святых всего католического мира — гордую громаду, носящее третье по важности имя после Иисуса и Марии, — Сан-Пьетро.

Мика убрала насекомых из кадра (особый дар коренных жителей Рима, с детства живущих в разноязычной толпе) и залюбовалась собором. Каждый раз, попадая сюда, она испытывала какой-то особенный трепет. Как если бы находилась в кровном родстве с создателями этого великолепия или жила в те барочно-инквизиторские времена.

Пикнули часы, возвращая художницу в мир муравьев и звуков. Двенадцать часов двенадцать минут. Будильник звонил в это время каждый день — из-за наивной детской привычки загадывать желание, если увидишь одинаковые цифры на часах. Редко когда удавалось поймать этот счастливый момент, поэтому Мика исключила элемент случайности и установила дозу — одно желание, но ежедневно! «Пусть я буду той, кто останется в живых после этой истории!» — эгоистично загадала она и зашагала к Бронзовым вратам — входу в префектуру папского дома.

Здесь муравьев вертелось гораздо меньше и цветов они были более скромных — в основном черные, коричневые и фиолетовые, в зависимости от конфессии. Микелы нигде видно не было — опоздания, видимо, у них обеих в крови. Неожиданно родной голосок долетел откуда-то справа, со стороны колонн, где кружком стояли сестры Святого Креста (судя по серым туникам) и время от времени ахали хором. Она уже хотела подойти, но в этот момент монахини начали двигаться, и в самом центре их благочестивой компании обнаружилась Микела, обнимающая молодую рыжую сестру. Мика замерла на миг с открытым ртом, после чего благоразумно ретировалась ближе к вратам, куда через пару минут подлетела счастливая Номер Два.

— Добыла! — возвестила она с видом чемпионки Олимпийских игр, предъявив вместо медали голубой билет. Микин подозрительный взгляд требовал комментариев. — На завтрашнюю литургию!

Ясности это не внесло. Хочет напоследок понтифика повидать, что ли?

Микела обиделась.

— Во-первых, — зашипела она со значением, — папская месса в базилике случается исключительно редко, типа два раза в год! То, что она именно завтра, — наш выигрыш в лотерею! А во-вторых, лотерейный билет, — она помахала пропуском перед Микиным носом, — заказывают за несколько недель вперед, и совершенно невозможно его добыть за день до великого события! Только отзывчивое сердце сестры Катерины, пошли ей бог здоровья и жениха, помогло нам обрести этот бесценный пропуск!

— Что ты ей напела? — саркастически ухмыльнулась Мика.

— Правду, что же еще? Как говорит папа, в жизни всегда лучше говорить правду, особенно в случаях, когда это вопрос жизни и смерти.

Вообще-то это говорила мама, но Мика решила не сыпать двойнику соль на раны, тем более что в данный момент имелись темы поважней.

— Я честно призналась, что если не попаду на завтрашнюю мессу, то умру, — продолжала Микела, — и спасти меня может только чудо! Ты ведь знаешь, что каждый человек в душе мечтает совершить чудо? Но не всем так везет, как сестре Катерине. Конечно, на самом деле билет нужен был для тебя, но ведь ты — это я, поэтому ложью мой рассказ назвать сложно...

Мика замахала руками.

— Стой-стой-стой. Почему для меня? При чем здесь месса?

— По дороге расскажу. Пошли!

— Куда?

— На разведку! — скомандовала Микела, схватила Мику за руку, чуть не вывернув плечо, и потащила туда, где извивался самый конец муравьиной очереди. Рот снова открыла, только когда они пристроились за белоголовым немецким семейством.

— Если ты здесь, то, значит, прочла о некоторых интересных случаях по нашей теме. Что их все объединяет, как думаешь?

Мика захлопала глазами.

— Агату Кристи предал муж, судью Джозефа Картера преследовала мафия, Перси Фосет искал в джунглях Амазонки золотой город, — продемонстрировала она владение материалом, — Рауль Валленберг, рискуя жизнью, спасал евреев, Дэн Купер захватил самолет... Ничего их не объединяет!

— Так уж и ничего? Смотри, со всеми происходило что-то из ряда вон выходящее. Все испытывали сильные эмоции, неординарного, я бы даже сказала, свойства. Это — раз. Во время своего исчезновения они были одни, это — два. И три — все равно не догадаешься — для перемещения между вариантами надо попасть в определенное энергетическое поле.

Мика покрутила головой — не хотелось бы привлекать лишнего внимания, но вокруг на двадцать метров звучал только немецкий язык. Очередь семенила потихоньку и смотрела в одном направлении — вперед.

— Это поле создается мощным направленным мысленным потоком — на музыкальном концерте культовых групп, например, или на чемпионате мира по футболу. Но в открытом пространстве поля неустойчивы — через некоторое время сдвигаются и рассеиваются. Нам нужно мощное поле, стоящее на одном месте.

— Церковь! — дошло до Мики.

— Очень большая и очень древняя церковь, — поправила Микела с улыбкой. — Собор Святого Петра.

Мика, потрясенная, смотрела на сверкающий купол. А ведь она и раньше подозревала, что в святых местах, где веками молятся люди, существует какая-то особая атмосфера, сосредоточение некой силы, энергии. Поле, значит. Переносящее человека в другой мир. Круто!

— Я поэтому и выбрала Собор Парижской Богоматери, — продолжала Номер Два, — хотя Сакре-Кер реально больше. Больше-то больше, но закончили строительство только в тысяча девятьсот четырнадцатом году, тогда как Нотр-Дам с тысяча триста сорок пятого работает. Я специально проверяла.

Очередь разделилась на несколько маленьких ручейков для прохода через металлоискатели. Девушки положили сумки на конвейерную ленту и ждали своей очереди на полицейский рентген.

— Оружие сюда не пронесешь, — разочарованно протянула Микела, буравя взглядом рамку детектора. По счастью, охранник этого не услышал. — У нас с этим проще. Не

проверяют, тащи хоть автомат.

— И что, тащат? — не поверила Мика.

— К сожалению. В том году Доминик Веннер застрелился прямо перед алтарем. Писатель такой, — уточнила Номер Два, — хороший, между прочим («А если бы плохой был — не жалко?»). Но тебе этот вариант все равно не подходит.

Мика захлопала глазами: в каком смысле не подходит?

— Ну как же! Нужно достичь определенного эмоционального взрыва, состояния, которое люди испытывают не каждый день. А некоторые — вообще никогда.

Мике в этих словах послышалась издевка.

— Может, сразу расскажешь, что ты предприняла для перелета сюда? — спросила она, понизив голос, так как они уже вошли в собор.

— Сообщила ментам, что в Нотр-Даме бомба.

— Что-о-о?! — воскликнула Мика так громко, что экскурсанты, разглядывающие микеланджеловскую «Пьету», как по команде, повернулись, а служитель погрозили пальцем и потребовал тишины. Она извинилась жестами и перевела выпученные глаза на Номер Два, которая между тем разглядывала капеллу святого Себастьяна. Задержавшись в ней ненадолго, вышла с неудовлетворенным видом и резвым шагом отправилась дальше.

— Это было поистине гениальное решение, убивающее одним выстрелом двух зайцев, — объясняла новоявленная террористка едва поспевающей за ней Мике. — И тебе адреналин, и пустая церковь. Надеюсь, ты помнишь о том, что после спектакля тебе надо будет остаться одной?

— Спектакля?

— А как ты собираешься в нужную кондицию войти? Надо привлечь к себе внимание. Разденешься, например, как те дамочки из FEMEN, это самое простое. Правда, кучно тут будет завтра, я думаю. Не разгуляешься.

И пошла инспектировать неф дальше, не замечая, что Мика остановилась и смотрит застывшим взглядом на монумент Матильды Тосканской. Она физически ощущала, как опасность из теоретической превращается в неотвратимую. Обе ступени к спасению для нее были недоступны, как Эверест. Разве это возможно — остаться в этом гигантском муравейнике одной? А раздеваться в соборе? Да ни за что в жизни! На секунду представилась эта картина — собственный голый торс, выражение ужаса на лицах стоящих рядом людей, глава католической церкви...

— Меня посадят в тюрьму, — пробормотала она удрученно, — непристойное поведение в общественном месте. Или хуже — за осквернение церкви, это ведь Ватикан!

В фильм ужасов, транслирующийся перед глазами, вплыло родное, очень серьезное лицо.

— Угодить в ватиканскую тюрьму — это хорошая альтернатива, Мика. Понимаешь? — лицо сделало многозначительную паузу. — Не нравится стриптиз — не надо, можешь напасть на папу римского. Только как это сделать без оружия?

Чувствовалось, что отсутствие оружия смущало Номер Два гораздо больше, чем сама мысль о покушении. Но в целом она была права — перспектива скорого перемещения в рай (хочется надеяться) пугала не в пример сильнее, чем в параллельный мир или — ерунда какая — в ватиканские темницы.

После осознания этого момента дело пошло легче. К тому же и вариантов представления, кроме покушения и стриптиза, Микелиными стараниями существенно прибавилось.

— Например, размахивая бутылкой с кока-колой, орать, что это промышленная серная кислота. Или кидаться камнями (камни металлодетектор не засечет) в ближайшие произведения искусства. Или, измазавшись красной краской, изображать жертву маньяка. А можно размахивать флагом сексуальных меньшинств — если и посадят, так хоть с пользой для

общества, — наглядно демонстрировала Микела, кто у них там, в рекламном агентстве, идеи придумывает. — Геи — даже необязательно, можно против правительства транспарант написать, хотя на эту тему уже в России прецедент случился...

Вот оно!

Они сделали почти полный круг по собору и теперь стояли перед капеллой Сретения, прикрытой по случаю реставрации двумя фанерными створками и грубым, выпачканным в штукатурке полиэтиленом. Террористка-затейница просканировала взглядом близлежащее пространство и нырнула внутрь. Обреченная Мика протиснулась за ней.

— Это подарок судьбы! — провозгласила Микела, перемещая взгляд с занавешенного белой материей алтаря на монумент святого Иоанна XXIII и обратно. — Здесь ты будешь абсолютно одна, по крайней мере некоторое время. Будем надеяться, погоня ворвется сюда, когда тебя и след простынет.

Номер Два похлопала поникшую Мику по плечу:

— Ты и не заметишь ничего. Я когда пряталась в этом, как его, ну где утреннюю молитву читают, там еще стенки такие резные с лавками из темного дерева...

— Пресбитерий, — машинально подсказала художница.

— Точно. Сiju я, значит, в пресбитерии, пережидая, пока народ эвакуируют, а после слышу — вроде опять заходят. А это уже ваш народ-то, после мессы пришел.

— А нельзя без мессы? В нормальный, так сказать, день?

В нормальный Микела тоже пробовала. Безрезультатно — никакого адреналина. Оно и понятно, туристы, повидавшие многое на своем веку, сразу достают фотоаппараты вместо того, чтобы звать на помощь и создавать ажиотаж.

Девушки выбрались из будущего портала между мирами и пошли искать стратегический пункт для начала операции. За двадцать евро у отловленного в соборных джунглях гида удалось узнать много полезного: и где завтра будут швейцарские гвардейцы, и где — заграждения, между которыми после службы пойдет благословлять и целовать паству понтифик. Место надо будет занять прямо у прохода, чтобы когда кортеж приблизится, начинать, что там Мика придумает начать, и со всех ног нестись в реставрируемую капеллу. Хотя насчет «со всех ног» представлялось слабо — по словам гида, яблоку негде будет упасть, да еще гвардейцы эти. Вооруженные! Мика специально уточнила — после покушения на святого Войтылу страже можно, оказывается, пистолеты носить.

Оставалось только молиться, чтобы их отчаянный план сработал. Другого все равно не было. На всякий случай договорились, что Микела завтра поедет с любвеобильным Галеотти на семинар — создавать оставшемуся в живых двойнику алиби. Когда вышли на улицу, Мика позвонила ловеласу и попросила заехать за ней утром прямо на работу. Там хотя бы есть диван и душ, а то Микела, как выяснилось, в последнее время ночевала в основном в машинах. Мика решила не думать о том, как эти машины попали к девушке без документов и вытерла ли она девушка рабочие поверхности на предмет отпечатков пальцев.

— В пять там уже никого из наших не будет, потом, правда, приходит уборщица, но она тебе не удивится — я часто задерживаюсь.

Художница вытащила из сумочки карточку-ключ от своей мастерской и продиктовала Микеле код от входной двери.

— Знаешь, если у нас все-таки получится, ты сразу отпуск возьми, Галеотти возражать не будет.

Микела засмеялась.

— А тебе, поверь, лучше уволиться! Дома сиди, слава богу, такая возможность есть. Вот, кстати.

Микела покопалась в своем рюкзаке и вытянула толстую тетрадь.

— Я тут тебе все подробно... — она запнулась и отвела глаза. — Почитаешь, в общем. Пригодится.

На фиолетовой, несколько потрепанной обложке было написано два слова: «Моя жизнь». Мика открыла первую страницу — почерк довольно сильно напоминал ее, хотя и более круглый (это, наверное, зависит от характера).

«Читабельно», — оценила она и спрятала рукопись в сумку с мыслью, что надо будет для Микелы тоже инструкцию написать.

Они условились встретиться завтра в семь утра в «их» кафе, и Мика поехала к зубному. В сложившихся обстоятельствах неприятный визит лучше было не откладывать — завтра, учитывая парижскую прописку, эскулап мог ее не узнать.

Хотя путь был неблизкий, почитать Микелин дневник по дороге не удалось — оглушительный водитель дребезжащего, как погремушка, такси ругался на неаполитанском диалекте совершенно без пауз, периодически переходя на визг. Мика мучилась ужасно — не столько от громогласных воплей, сколько от своего неумения эту катавасию прекратить. Не могла себя заставить попросить у незнакомого человека тишины, хотя уже и причину придумала — что голова болит, прорепетировала про себя три раза, а вслух — никак.

Далековато ей до Микелы — вот у кого характер так характер! Сверкал во всей красе с первых же прочитанных в молчаливой стоматологической очереди страниц. Сначала шла краткая биография, в которой досрочный с отличием диплом уживался с тремя приводами в полицию, а одиночное путешествие на яхте (целый месяц!) и прыжки с банджо — с волонтерской работой в детском доме. Как же они получились такими разными?

Мика вернулась в детство — до восьми лет все сходилось: и сломанная нога, и любимая кошка с мужским именем Саймер, и даже адрес на виа дель Бокаччио, где родители живут до сих пор. «А потом папе предложили работу в Гренобле, — догадалась Мика, — и ее семья уехала, а моя — нет». Не то чтобы она специально помнила про упущенную вакансию, просто папа не давал о ней забыть, упрекая маму во время каждой ссоры. Что это, мол, из-за нее он такую возможность потерял, мог бы нынче быть международным светилом молекулярной биологии** вместо того, чтобы в «тухлом университете» прозябать.

Она нашла страницу «Папа». Светилом он таки стал, судя по премиям и книгам, правда, после того, как потерял жену. И дочь, можно сказать, тоже: зарывшись с головой в работу, предоставил девочку самой себе, и после ее отъезда в Париж они почти не общались. Мика представила себе вечно ворчащего отца. Интересно, знает он о своих альтернативах, что бы он выбрал потерять?

Тут подошла ее очередь на экзекуцию, и вернуться к другому варианту своей биографии удалось только после ужина. Когда, проглотив за десять минут все, что жена два часа готовила (включая штрудель), Даниэле привычно клюнул ее в щеку и удалился в кабинет. Может, и хорошо, что она на время уезжает, закралась крамольная мысль. Как-то все у них стало... неинтересно, одинаково. А так хотелось чего-то особенного! Подумала, и бегом к тетрадке — ужасно любопытно сделалось, какой он, другой Даниэле?

О муже Микела писала много и с чувством. Тут были и рецепты любимых блюд (больше, чем знала Мика), и важные события (свадьба, кинофестивали, поездки в отпуск), предпочтения в одежде, привычки и политические воззрения. «Надо будет выучить потом наизусть», — решила Мика, французских политиков, кроме премьер-министра, она не знала. Микела даже обвела в рамочку правила поведения — что делать, если муж приходит с работы злой, например, или когда надо от него чего-то добиться. Последним пунктом стояло: «вечером, за бокалом вина — обязательно (подчеркнуто) подробно расспрашивать о новостях».

Мика задумалась. Она даже припомнить не могла, когда неразговорчивый Даниэле вещал

больше трех минут на тему «как прошел день». «Может, потому что без вина?» — осенило ее, и, отложив тетрадку, она поставила на поднос бутылку каннонау, два бокала и направилась в кабинет.

То, что гордо называлось кабинетом, на самом деле являлось маленькой мансардой, забитой электроникой от пола и до скошенного потолка. На единственном свободном от динамиков островке располагался портрет Лучано Паваротти, с которым Даниэле успел подружиться, когда снимал о великом теноре фильм. «Этому голосу мала любая сцена, — говорил ей тогда муж. — В нем есть что-то, чего ни у кого больше не найдешь: боль и одновременно счастье, страх и в тот же миг победа, он как сама жизнь».

Мика постучала и приоткрыла дверь. Даниэле, ковырявшийся в каком-то многокнопочном механизме, появлению жены с алкоголем больше обрадовался, чем удивился.

А уж когда она проявила интерес к неизвестной штуковине, с энтузиазмом стал объяснять: — Это, детка, будущее звука. И не смотри, что маленькое, по мощности превосходит все, что до сих пор заходило на сцену. Ты у певцов в Сан-Ремо микрофоны видела?

Мика припомнила коробку на поясе и наушник с блямбой у рта.

Даниэле засмеялся:

— А вот эта табакерка может и как микрофон, и как динамик: хочешь — сам пой, хочешь — фонограмму ставь, причем звук будет... Пошли!

Он сделал хитрое лицо и приглашающим жестом открыл дверь на террасу. Усадил жену в кресло, сам с видом фокусника продемонстрировал металлический кирпичик с кнопками и чиркнул перед ним зажигалкой. Мике показалось, совсем близко от дома пролетел самолет. Она даже не поняла сначала, что случилось, поэтому не сразу округлила глаза. А когда наконец дошло, повела допрос уже прицельно: и чем регулировать громкость, и куда фонограмму закачивать, и как туда петь — певцам из Сан-Ремо, имеется в виду. Разошедшийся муж показывал разные модели, объяснял различия, а когда в бутылке почти ничего не осталось, неожиданно поцеловал — медленно и терпко, как раньше, давным-давно.

«Микела абсолютно права насчет вечерних расспросов», — констатировала Мика двумя часами позже, выбираясь из объятий спящего мужа. Немного расстраивала мысль, что завтрашний Даниэле будет не совсем тот же самый, но и адюльтером предстоящие ночи тоже не назовешь. Она накинула халат и отправилась на кухню варить кофе — до утра предстояло еще многое успеть. Автобиографию решила записать аудиофайлом прямо в айфоне, а чтобы Микеле было легче разобраться, кто есть кто, в заметках поместить фотографии важных людей, с короткими пояснениями.

Таковых в жизни художницы было немного: итальянские и зарубежные коллеги, пара заказчиков да друзья Даниэле. Со своими школьными и университетскими знакомыми близких отношений Мика в силу характера не поддерживала. Долго думала, что говорить про мужа — оказалось, знает она о нем гораздо меньше, чем Микела знала о своем (и чем, наверное, следовало бы), но в итоге все-таки наскребла информации на пятнадцать минут, даже вспомнила про мечту — собаку. Остро захотелось остаться и завтра же принести в дом мокроносу пушистую кроху — пусть будет счастлив! Сколько же всего не сделано, не сказано, не оценено по достоинству! А понимаешь это только, исповедуясь телефону в своих привычных грехах. Лишь в одном грехе не призналась — наоборот, наврала, что каждый день звонит маме, а по субботам всегда приносит торт и букет ее любимых чайных роз.

Когда закончила, уже светало. Она положила в сумку загранпаспорт и немного денег (на дорогу в Париж), выбрала светло-зеленый летний костюм, шелковую блузку и любимые туфли с нашитыми пряжками. Колготки, сумочка. Помедлила немного и добавила мамин золотой кулон. Понятно же, куда рванет после семинара бывшая сирота. В носу защипало, но Мика

сделала несколько глубоких вдохов и запретила жалостливым мыслям гнездиться в голове. И только когда заглянула попрощаться со спящим мужем, не выдержала — заплакала. Чтобы не разбудить, поцеловала краешек одеяла и быстро вышла за дверь.

Микела уже ждала в кафе. Они заказали капучино и круассаны с повидлом, хотя есть Мике совершенно не хотелось. Впихнула в себя все равно, чтобы не шлепнуться в голодный обморок в самый ответственный момент.

Потом пошли переодеваться. Оказалось, Микела тоже пришла не с пустыми руками — принесла кармелитскую тунику, суму на длинном ремне и велон. Маскарад нужен был, чтобы дать Мике дополнительную надежду — в случае, если телепортироваться не получится, то, скинув монашеские причиндалы, виновница беспорядков сможет благополучно спастись. Сама идея беспорядков Микеле ужасно понравилась, она даже высказалась в том смысле, что, может, Мике стоит поработать все-таки арт-директором. А что, оригинальные решения, свежий взгляд...

Хлопнув себя по лбу, она сняла свои фиолетовоглазые очки и протянула новоиспеченной послушнице. Мир в них сразу сделался другим, а старый, бесцветный Мика без сожаления отдала своей преемнице. Но вот с айфоном рассталась в последнюю минуту, уже на выходе из парка — так было тяжело. Она ведь ничего стирать не стала — ни фото, ни музыку, ни даже эсэмэски. Вот уж действительно, вся жизнь. Они обнялись и пожелали друг другу удачи.

— Я буду каждый день писать дневник, — пообещала Микела. — Ты вернешься и прочитаешь, что пропустила.

И от этих слов Мике вдруг поверилось, что все получится, что когда-нибудь, может даже скоро, она вернется домой. Сказала спасибо, хотя хотелось сказать что-то вроде «Я тебя никогда не забуду», но как-то глупо было говорить это себе самой. Она повернулась и пошла на стоянку такси, думая о том, как это странно — прощаться с самым близким другом, надеясь никогда больше не встретиться.

В соборе уже шумел-разливался людской океан. Народу было в сто, нет, в тысячу раз больше, чем вчера. И все «избранные», с билетами. Присутствующие делились на две неравные группы: немногочисленный передний фланг и все остальные, кому не видно. Переднефланговые, вопреки распространенному мнению о церковных привилегиях, никаких отличий не имели, просто прибывали еще затемно, чтобы занять выгодные позиции. Подобных любителей ожидать часами среди светской части общества не находилось — вот вам и объяснение монашеской прослойки у алтаря.

Проинструктированная доброй сестрой Катериной Микела еще вчера рассчитала, когда нужно прийти, чтобы попасть в нужный радиус, поэтому Мика сидела всего метрах в тридцати от колонны, за которой пряталась реставрируемая капелла. На третьем стуле от ограждения. И чтобы отвлечься от пугающих мыслей о предстоящем подвиге, перечитывала мемуары своего бесстрашного двойника.

Наконец началось: пропел а капелла свою партию певчий, заиграли на оркестровом балкончике духовые, и сразу же показалась процессия. Впереди крест с распятием и длинные-длинные свечи протонотариев, за ними медленной поступью — золотые кардинальские митры, и в самом конце, в окружении телохранителей и прелатов — белый орнат его святейшества.

Повсюду, сколько видел глаз, возвышались, как перископы, руки с экранчиками. Как ни странно, отсутствие родного айфона Мику не расстроило, а даже подбодрило — налегке легче уходить. Мысленно еще раз поблагодарила Микелу за наряд — как только она перепрыгнет перегородку, ближайшие перископы повернут свои мордочки к ней, и... сенсацией дня станет сумасшедшая монашка. При хорошем раскладе — бесследно исчезнувшая.

Хотелось только, чтобы уже побыстрее, отстреляться, и все, будь как будет, но

преосвященные только-только приближались к алтарю под величественным бронзовым балдахином. И литургия слова, и евхаристия были еще впереди. Ничего не оставалось, как внимать этому важнейшему во всех смыслах представлению, финал которого был неизвестен никому.

Мика попробовала сконцентрироваться на песнопении, но мысли не держались за звуки, они убегали в прошлое, вытаскивали из памяти разновозрастные фрагменты бытия. Ноги в перепачканных кровью гольфах — папа бежит с ней на руках к дому, вопрошая расстроенно, почему никто, кроме нее, не прыгнул из школьного окна? А вот и другое окно, на третьем этаже, с маминым вглядывающимся в сумерки силуэтом, но за ветками дерева не разглядишь, кто целуется возле мотороллера. Ее первый мотороллер, белый, с дыркой вместо эмблемы — открутили в первую же ночь, она жутко расстроилась! И первая ночь — случайная, глупая, никакая, после поступления в академию художеств. Мастерская профессора Сильвио с первым самостоятельным заданием — Джакомо Балла и последним — Тьеполо, превратившим молодую реставраторшу в звезду программы «Волшебники от искусства» и жену звукооператора. Даниэле. Маленькая свадьба в церкви Санто Стефано, она так и не призналась ему, что мечтала выйти замуж здесь, в Сан-Пьетро.

Глаза затопили слезы, сделав образы ярче: неважные теперь победы, превратившиеся в опыт ошибки, страхи, потерявшие смысл, и самые важные, самые красивые на свете лица, в которые так редко, так случайно смотришь.

Пожилая соседка, тоже монахиня, с ликующей улыбкой протянула ей платок, и в этот же момент в ушах включился звук — благословение! Боже, сейчас обратно пойдут! Мика вытерла слезы, шепча слова благодарности, и полезла рукой в свою глубоководную котомку. После нескольких отчаянных секунд нашарила, наконец, скрученный провод и, подтянув микрофон, нашла пальцем нужную кнопку.

В проходе показался крест со свечами. Сердце подпрыгнуло и понеслось галопом по ребрам. Голова, еще мгновение назад неподъемная, внезапно сделалась легкой-легкой, и в этой воздушной пустоте металось, как грош в копилке, одно только слово — «когда»?

Мимо проплыли кардинальские митры, черные костюмы телохранителей предвещали приближение папы Франческо. Музыка стихла — вот-вот должны начать «Аве Мария». Сейчас! Палец надавил на кнопку, и в тот же миг заложило уши — все необъятное пространство собора заполнил собой чистый, сильный голос Лучано Паваротти.

А-а-а-а-а-аве Мари-и-и-и-я...

Сан-Пьетро вздохнул стотысячным ртом и пришел в движение. Телохранители ураганом сдули папу. Народ с криком и визгом брызнул по всем направлениям.

Gr-a-atia ple-e-na-a

Гости рядом с Микой рассыпались в стороны, как воронка от бомбы, освобождая путь. Фальшивая монашка перелезла через ограждение и, приподняв фалды туники, понеслась к вожакам капеллы.

Maria, gratia plena,

Maria, gratia plena,

Ave, ave dominus

Мика обежала выставленные на время мессы переборки. Вот она, колонна, а за ней...

Dominus tecum

Полиэтилена больше не было, на высоких фанерных створках висел замок. Она врезалась в него с разбегу, ухватила потной рукой, дернула — нет, никак!

Benedicta tu in mulieribus,

Et benedictus

Ноги понесли к выходу, вот же он — рядом, однако логика заорала: туда нельзя! Никто бы

ее не послушал, конечно, но навстречу вынырнула разноцветная стая, среди которых ярко выделялось желто-красно-синее оперение швейцарских гвардейцев. Развернувшись на полном ходу, Мика шмыгнула в левый неф.

Et benedictus fructus ventris,

Ventris tui, Jesus.

Как же повезло Микеле, сидела себе в своем пресбитерии! «Стены там такие резные с лавками темного дерева», — всплыл в голове родной голос. Мимо как раз промелькнуло такое вот темное дерево. Конфессионал! С табличкой: «français», приглашающей исповедаться французскую паству, — в Сан-Пьетро исповедадьни имелись на любой язык.

Ave Maria.

Она нырнула внутрь и захлопнула за собой дверь, вцепившись пальцами в дверную ручку. Глаза зажмурились до огненной вспышки, бешеным набатом колотилось сердце, холодный пот приклеил волосы ко лбу.

— Ave Maria, gratia plena, — прохрипели полупарализованные губы первые слова молитвы. — Dominus tecum, benedicta tu in mulieribus, et benedictus fructus ventris tui, Iesus. Sancta Maria, mater Dei, ora pro nobis peccatoribus, nunc et in hora mortis nostrae. Amen.

Она не поняла, сколько прошло времени до того, как сердце из долбящего грудную клетку дятла превратилось обратно в привычный метроном. Дверь по-прежнему никто не дергал, криков слышно не было, лишь обычный приглушенный деревянными стенками кабинки шепоток собора.

«Может, ждут с направленными пистолетами, когда выйду?» — вздрогнула Мика. Но шальное желание спастись уже превратилось в необъяснимую уверенность, что — получилось! «Не поймали! Жива, не ранена, не в тюрьме! Спасибо святой Марии».

Мика отцепила белые, словно чужие, пальцы от ручки и несколько раз сжала и разжала кулаки. Руки дрожали. Рывками стащив с себя велон, сделала несколько больших глотков спертого, пропитанного ладаном воздуха. Фу — словно пыль времени осела в легких и в горле. Скорее на улицу! Она избавилась от остальной одежды, то и дело ударяясь локтями о стенки конфессионала, осторожно приоткрыла дверь и поглядела в щелку. Совсем рядом копошилась большая японская группа, гвардейцев не видно нигде. Она выползла из своего убежища и застыла — ощущение было такое, словно на нее смотрит весь белый свет.

Но никто не обращал внимания на девушку в спортивном костюме. На невесомых, пружинящих ногах Мика побрела к выходу, стараясь не заваливаться в стороны. Когда в глаза ударило солнце, поняла, что многонациональный поток вынес ее на площадь. Только тут, сползая по бернинской колонне на мостовую, она окончательно поверила, что все позади.

— Вам плохо? — раздался сверху участливый голос.

Мика подняла глаза. Солнце казалось нимбом вокруг головы участливого прохожего.

— Мне хорошо... как никогда в жизни... — искренне призналась художница и, нашарив в сумке очки с фиолетовыми стеклами, водрузила их на глаза. — Я счастлива!

Через четверть часа она уже сидела в такси. Домой, домой! Хотелось только одного — обнять Даниэле, сильно, вдавить его в себя, вдохнуть, влить. Студия звукозаписи открывалась в полдень, так что он еще, наверное, дома.

— Да что ж это творится-то, граждане? Будет с этого, с позволения сказать, мэра хоть малый прок? — кипятился водитель, и эта его задорно-ябедная, присущая всем таксистам манера вести монолог, не раздражала, а наоборот, улаждала слух. Ее теперь вообще все радовало, все казалось цветным, ярким, новым — и пинии вдоль дороги, и вездесущие туристы, и даже облезлые стены домов.

Она уже представляла, как расписывает мужу свои невероятные приключения. Как же он будет хохотать! Путешественница между мирами — это ж надо! А мозги включить? Двойники в нашем мире не редкость, подумаешь, у одного (одной, точнее) поехала крыша. Жалко ее, конечно, но лучшее, что тут можно сделать, — это сдать полоумную в «Сан Алессандро»**, пусть подлечат. Пока она с таким разнузданным воображением не причинила вреда себе и окружающим.

Но сама-то, сама-то какова, а? В параллельный мир собралась, запаслась инструкцией, дела сдала, телефон с ключами...

Словно крутящийся калейдоскоп, внутренний монолог вдруг остановился на одной картинке. Эль Греко. Два с половиной миллиона. А на аукционе и все пять. И она сама отдала ключи и написала коды. Потому что... сошла с ума!

Вот и улика — тетрадь с занимательным рассказом про параллельный мир. Даже каллиграфическую экспертизу делать не будут — спишут на раздвоение личности. О поехавших шестеренках свидетельствует и представление во время мессы. Которое по сценарию должно было закончиться никакими не застенками Ватикана, а... Она в ужасе провела рукой по лицу. Ни на какой семинар, конечно, Микела, или как там ее по-настоящему зовут, не пошла — она уже, наверное, за границей, вместе с отреставрированным шедевром. А пропажу, скорее всего, еще даже не обнаружили — Галеотти на семинаре, позвонил ей, наверное, несколько раз, да только кто ж ему ответит. Девушки, похожей на нее, наверное, больше не существует — мало ли в наше время средств для изменения внешности...

Господи, ей ведь никто не поверит. Скажут — она всегда была немного странная, ни подруг, ни детей. С мужем и то не делилась особо, они почти и не разговаривали! Но он-то ее знает, он любит ее, он поверит! Ее единственный, самый родной на свете человек!

Перед глазами понеслись теплые, окрашенные нежностью кадры: терраса, они каждый со своей книжкой, руки тянутся к тарелке с вишней, стоящей между их креслами, и вдруг встречаются. Или вот: грохочет гроза, весь мир — это они под пледом и на экране черно-белый Альберто Сорди. Боже, она и не понимала тогда, какое это счастье! Дотрагиваться до него каждый день, просыпаться и видеть его, а не облупившиеся стены психушки. Или тюрьмы! Быстрее, быстрее к нему!

Но разве по Риму можно ехать быстро? То абсолютно беспричинный затор засосет, только мотоциклы пикируют перед носом, то проезжает какая-нибудь правительственная знать, то самоубийцы прыгают под колеса. Недалеко от дома чуть не задавили лунатика лет десяти с пушистой, как у одуванчика, шевелюрой. Его что, спрашивается, мать не научила, что, когда переходишь дорогу, надо нос от смартфона отделять? В довершение рейда еще Марии-Кристинина такса спикировала на проезжую часть, чудо, что шофер успел затормозить, браво! Хотя многие из жильцов квартала поблагодарили бы его за обратное.

Ждать, чем закончится схватка между потомственным шумахером и Марией Кристиной, Мика не стала. Сунула таксисту деньги и бросилась к припаркованной у подъезда машине, к которой, помахивая лаковым портфелем, шел долговязый мужчина с растрепанными волосами — Даниэле.

Подбежала, обхватила за шею, затараторила, словно боялась не успеть, будто он мог вдруг исчезнуть. И про вишни, и про грозу, и про первый взгляд утром, про то, что он — ее воздух, без которого невозможно жить. Слова вырывались из нее, как будто всю жизнь сидели в плену, пока наконец выход из темницы не закрыли его губы.

— Мам-пап, географичка заболела, нас отпустили домой, — проплывающий мимо одуванчиковый мальчик вскинул на секунду серые, с темным ободком глаза. — Клевые очки, мам, — и уткнувшись снова в свой смартфон, посеменил к дому.

Мам???

— С собакой не забудь погулять, чемпион! — крикнул вдогонку Даниэле и, понизив голос, добавил нежно, только ей: — Сегодня вернусь пораньше, мелкого сдадим твоим, а сами устроим что-нибудь особенное, хочешь?

— Конечно, — губы пытались растянуться в улыбку, пока замороженные шоком мысли оттаивали и набирали разбег.

Твоим! Значит, мама здесь присутствует!

— Дождаться не могу, — горячо выдохнул в ухо свой-чужой муж и, поцеловав мочку, скользнул за руль. — Чао, Ми!

Она все так же, улыбаясь, махала рукой, пока он не исчез за поворотом.

Значит, Ми. Номер три. И где тебя искать, дорогая?

Мика села на ступеньку, не замечая, что левая кисть тут же «заиграла» бодрый марш. Если Одуванчик... Боже, у нее есть сын! Вот почему кто-то старается столько лет, и — ничего, а другие, те же самые — вот, пожалуйста!.. Так, не отвлекаться! Ни Одуванчик, ни Даниэле Номер Два не удивились ее появлению, значит, Ми должна скоро нарисоваться. Дело за малым — убедить ее, что у нас всего неделя. И план уже есть — сначала рассказ о двойниках, потом — про диссоциативную фугу, потом письменный артефакт — сага об отчаянной француженке, которая практикует разные способы отправиться за мамой в альтернативную реальность, пока однажды это у нее не получается наконец в Соборе Парижской Богоматери.

Мика горько усмехнулась. Кто же на самом деле является автором дневника? Это правда ее Микела или уже бог знает сколько времени по параллельным мирам носится безумный хоровод? Между близкими вариантами можно перемещаться, так, кажется, она говорила? Микин вариант был близким для Микелы, а для Мики ближе оказался вариант Ми...

На часах пикнуло «12:12», и она загадала желание: пусть получится уговорить Ми, и пусть их всех как можно скорее «уравновесит» обратно.

Прошло, наверное, с полчаса. Она успела набросать в уме конспект разговора и даже начала подыскивать альтернативные межмировые порталы, когда из-за угла выпрыгнула самая знакомая на свете фигура в спортивной форме и, порхая с булыжника на булыжник, поскакала к подъезду. Скоро уже стало слышно, как она подпевает айподу. Подбежала, отфыркиваясь, сдернула наушники, удивление и восторг — на все лицо. Те же солнечные брызги в русых волосах, серые глаза, обиженно-надутые губы.

Мика вздохнула и сдвинула на макушку — свои теперь — с фиолетовыми линзами очки: — Ну наконец-то!

Примечания:

* Вилла Боргезе — ландшафтный парк в Риме.

** В Гренобле располагается одно из пяти отделений Европейской молекулярно-биологической лаборатории (англ. European Molecular Biology Laboratory, EMBL).

*** «Сан Алессандро» (Casa di Cura S. Alessandro) — психиатрическая клиника в Риме.